

Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998.

Тамерьян Т.Ю. Интертекстуальность vs прецедентность в пространстве постмодернизма // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Илюхина, Н.К. Данилова. Самара: изд-во «Самарский университет», 2007. С.249-253.

Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры. Материалы Всерос. науч. конф. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Ростовский госуниверситет, 1998. С.3-4.

Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Н.А. Илюхина (Россия, Самара)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СУТОЧНОГО И ГОДОВОГО ВРЕМЕНИ: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Концептуализация такого абстрактного феномена, каким является время, происходит с использованием метафорических образов – перемещающегося предмета, огня, света, живого существа (антропоморфных и зооморфных метафор) и других. Например: *День уходил; Сиял солнечный июльский день; Догорал летний вечер; Пришла зима; Ворвалась внезапная осень* (Горбовский); *Этот август... как он пролетел, Как он был почти безбожно краток...* (Галич); *Уж осени холодной рукою Главы берёз и лип обнажены...* (Пушкин).

Решающую роль в выборе образов в качестве средств концептуализации времени играют отношения смежности – соположенность времени с реалиями, которые служат показателями его динамики. Эта закономерность наиболее очевидна в картине моделирования циклического – суточного и годового – времени, анализу которой посвящена данная статья.

В качестве стереотипных средств образной концептуализации суточного времени в русской языковой картине мира используются метафоры огня и метафоры перемещения предмета: *Догорает день; Разгорается утро – Уходит день; Приходит утро*. Выражения *Догорает день* и *Уходит день; Разгорается рассвет* и *Приходит рассвет* не оставляют сомнений в семантической эквивалентности применительно к одной ситуации и, соответственно, в наличии системных отношений между двумя метафорическими образами, которые воплощаются в данных выражениях.

Сущность и генезис межобразных системных связей получают принципиально разную интерпретацию в рамках семасиологического и лингвокогнитивного подходов.

С семасиологической точки зрения факт синонимического сближения метафорических образов огня и перемещения предмета на фоне принципиального различия выражаемых ими эмпирических представлений и совокупных семантических потенциалов образов ставит задачу поиска семантических оснований межобразной синонимии. Эти основания кроются в том, что оба образа в целом способны – каждый в соответствии со своей семантической спецификой – акцентировать динамику суточного времени.

Образ огня как средство метафорического моделирования суточного времени актуализирует динамику суточного времени, акцентируя преимущественно начало и конец дневной части суток – указывая на начало, разгар и конец дня, на начало и разгар утра, на конец вечера.

Наряду с этим образ огня дополнительно указывает на динамику интенсивности света и тепла в течение суток (уменьшение / увеличение интенсивности света, понижение / повышение температуры: минимальную интенсивность света и тепла на рассвете, наивысшую в середине дня, уменьшение интенсивности с наступлением вечера), на цветовую гамму утреннего и вечернего неба в период восхода и заката солнца и т.д., т.е. комплексно характеризует время суток. Приведем примеры: *В небе ясном заря догорала* (Кооль); *Пылал июльский день; Угасал длинный летний день...* (Щукин); *Ненастный день потух...* (Пушкин); *Подожди, погаснет скучный день...* (Гумилёв); *Горит восток зарею новой* (Пушкин); *...ночь, божественная ночь, величественно догорала* (Гоголь). В связи со способностью комплексно (эмпирически конкретно) представлять динамику суточного времени образ огня чаще используется в художественных пейзажных фрагментах – когда суточное время описывается в чувственно-наглядном восприятии лица.

Итак, посредством метафорического образа огня динамика времени («развитие», «начало», «завершение (части суток)») интерпретируется через доминантные для этого образа фазовые значения начала и прекращения процесса, прекращения существования предмета, с которым ассоциируется в данном случае день или вечер как отрезок суточного времени, ср.: *догорают дрова* ‘уничтожаются’ – *догорает день, вечер*.

Метафоры *перемещающегося предмета* при концептуализации суточного времени обычно имеют более ограниченный семантический диапазон, направленный почти исключительно на интерпретацию динамики времени. Приведём примеры: *Шли дни, и каждый день уносил часть надежды* (Гранин); *В те июльские дни, что катились ни шатко ни валко...* (Городницкий); *Дни ползут, но летят недели...* (Книппер-Тимирева); *Утро пролетело быстро; Вот и ещё один день уходит*.

Образ перемещающегося предмета метафорически концептуализирует динамику времени на базе признака «изменение положения в пространстве» – *уходит* («перестаёт быть в определенной точке пространства»), *приходит* («начинает быть в определенной точке пространства»), *ползёт, идёт* («перемещается из одной точки пространства в другую»).

Итак, ситуативно-дискурсивная синонимия двух рассматриваемых метафорических образов при интерпретации динамики суточного времени, с семасиологической точки зрения, возникает на основе значения «динамика». Этот смысл, являющийся доминантным для обоих образов, выражается ими на основе разных (!) элементов концептуального содержания. Так, значение *завершения дня* (как частное проявление динамики) передается через значение *исчезновения*, которое в семантической структуре образа огня возникает на основе признака «перестаёт быть = уничтожается» (*догорает, сгорает, отпылал*), а в структуре образа перемещающегося предмета – на основе признака «перестаёт быть в данной точке = перемещается из данной точки в другую» (*уходит, ушёл, скрылся*).

С когнитивно-дискурсивных позиций, т.е. в лингвокогнитивной логике, отношения эквивалентности между метафорическими образами интерпретируются принципиально иначе. В этой логике они обусловлены тем, что обе метафорические модели (*время – огонь/пылающий предмет; время – перемещающийся предмет*) формируются в сознании и в речи на основе единого представления – представления о солнце, которое предстаёт как *движущееся* по небу с востока на запад, как *встающее, заходящее*, как *разгорающееся, пылающее, гаснущее*: *Свежеет, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту огромным мутно-малиновым шаром солнце* (Бунин); *А затем пришел день; красное, ледяное зарево разгоралось над заволжской степью* (Гроссман). Это не удивительно, поскольку именно представление о солнце в обыденном сознании выступает главным мерилем динамики суточного времени.

Нередко художественные контексты передают эту мотивацию метафор огня и движения почти в лексически обнаженном виде: *Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день* (Пушкин) – стереотипное выражение *восход зари* (ср. *восход солнца*) в рамках одной поэтической фразы сопровождается нестереотипным выражением *всходит день*, которое явно мотивировано первым; ...*Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор...* (Пушкин) – поэтическое выражение *проглянет* (зимний короткий) *день...* и *скроется ...* является дискурсивным синонимом выражения *проглянет солнце и скроется* и явно мотивируется им; *Сиял солнечный, но прохладный денёк...* (Щукин) – в этом случае также налицо мотивация *сияло солнце* → *сиял день*. Ср. также показательную корреляцию: *А с востока снова катится колесница поднебесная* (о солнце – Ахматова) – ...*июльские дни... катились ни шатко ни валко...* (Городницкий).

Показательно в этом отношении следующее высказывание, в котором исходные представления – связь образов огня и перемещающегося предмета с солнцем и далее – с суточным временем (днем) – объединяются: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь): «солнце – огонь», «солнце – перемещающийся предмет» → «день – огонь», «день – перемещающийся предмет».

В других случаях наблюдается проекция *цветовых* признаков солнца, небосвода, листвы деревьев, домов на время суток:

Вечер осенний был душиен и ал... (Ахматова);

В зеленый вечер под окном На рукаве своём повешусь (Есенин);

...Как мы ждали тебя, желтоглазая ночь... (Петриките).

Среди способов концептуализации суточного времени отметим олицетворение как универсальный способ образной концептуализации действительности, который в ряде случаев можно квалифицировать именно как проекцию олицетворенного светила на дневное время суток, см. показательные примеры: *Солнечный полдень смотрел во все глаза...* (Набоков) ← *полуденное солнце смотрело во все глаза; ...Так осенью, светло и равнодушно, На бледном небе умирает день* (Гиппиус) ← *на бледном небе умирает солнце*.

Еще более очевидно участие метонимических механизмов при образной концептуализации годового времени – времён года: весны, лета, осени и зимы.

Обращает на себя внимание то, что для концептуализации годового времени используется гораздо более широкий спектр метафорических образов, чем по отношению к суточному времени. При этом времена года имеют ряд специфических для каждого из них образов.

Последнее объясняется тем, что средствами концептуализации выступают представления о наиболее очевидных показателях динамики годового временного цикла – процессы, события, явления, типичные для *того или другого времени года*: температурное состояние, обусловленное интенсивностью солнца, цветение – увядание растительности, наличие – отсутствие снежного покрова, прилёт – отлет перелётных птиц и другие.

В первую очередь обратим внимание на случаи *метонимической номинации* времен года – результаты переноса имён различных явлений, характерных для соответствующего времени года, на это время года. Приведём примеры, заимствованные нами из статьи Т.В.Сливы [Слива 2011]: *Падал снег, плыл рассвет, осень моросила...* (Дербенёв); *Зима мягко и сыро лежала на крышах* (Паустовский); *Зима висит на хвойных лапах* (Арс. Тарковский); *За осенью – стужа, за вёснами – лето* (Светлов).

В первом высказывании слово *осень* (*осень моросила*) именуется дождь – типичный признак осени (ср.: *моросил осенний дождь*), во втором и третьем высказывании слово *зима* заменяет название наиболее яркого атрибута этого времени года – снега (*зима лежала на крышах = снег лежал на крышах; зима висит на хвойных лапах = снег висит на хвойных лапах*). В четвёртом высказывании в ряду логически и семантически однородных понятий – названий времён года *осень, весна и лето* – в качестве названия для четвёртого времени года оказывается слово *стужа*, которое именуется один из наиболее типичных признаков зимы и служит в данном случае метонимическим заместителем имени последней.

Метонимическая логика предопределяет и выбор образов для *метафорической концептуализации годового времени*. Не приходится удивляться, что в качестве образов выступают те же характерные для каждого времени года процессы и явления: для весны – потепление и яркое солнце, пробуждение растений, прилёт птиц, для зимы – снег и стужа, для лета – солнечный зной, для осени – созревание плодов, похолодание, увядание растений и т.д.¹:

*Пора пришла, она влюбилась. / Так в землю падшее зерно / Весны огнём оживлено (Пушкин): огонь солнца – огонь весны; **...Цветущую весну в садах...* (Державин): цветущие растения – цветущая весна; **... и посвящённым только зримо / Цветёт весна и красота* (Фет); **В годы юности, в бурном цветенье весны, верил я...* (Байрон); **Всё небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-красна на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окружённая свитой птиц* (Островский): весной прилетают (спускаются на землю) журавли...;

Их (последних дней старого мира) осталось немного, насыщенных зноем догорающего лета, радостных и беспечных (А.Н.Толстой): зной догорающего лета – зной догорающего солнца; *В зеленый вечер под окном На рукаве своём повешусь* (Есенин): зеленая листва / ветви деревьев – зеленый вечер;

...молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь (Булгаков): белые, мохнатые ели зимой / в декабре – белый, мохнатый декабрь.

Другой моделью концептуализации времени года, базирующейся на метонимической логике, является осмысление динамики процессов, детерминированных годовым циклом (потепление – похолодание, цветение – увядание растительности, прилёт – отлёт птиц и мн. др.) как обусловленных соответствующим временем года – в виде их причинной или временной *мотивации* (*каузации*). В этом случае весна, лето, осень и зима предстают как каузаторы всех процессов, событий, явлений, которые с непреложностью происходят в это время. Обычно *каузирующая роль времени года* передается в образной форме олицетворения:

Она (осень) пришла с своей кошницей, Пора свершителных отрад, И златотканой багрянницей Наш убирает виноград (В.Иванов); *И туман, и непогоды осень поздняя несёт...* (А.С.Пушкин); *Она (осень) тёмной выдалась, дождливой и выжила-таки Егора с озера* (Б.Васильев);

¹ Приводимые далее факты, отмеченные знаком *, заимствованы из картотеки М.Склизковой, выполняющей курсовую работу на тему «Концепт «весна» в русской языковой картине мира».

Опять повеяло с неба сияющим счастьем **весны; опять улыбнулась она земле и людям; опять под её лаской всё зацвело, полюбило и запело* (Тургенев);

Зима заковала Балтику в панцирь льда (Пикуль).

Особенно часто эта модель используется в поговорах, поговорках, где олицетворение выступает лаконичным средством обнажения причинно-следственной и временной мотивации событий и состояний: *Весна даёт цветы, а осень плоды; Сентябрь кафтан с плеч срывает, тулуп надевает; Август варит, сентябрь к столу подаёт; Зима спросит, что припасено в осень.*

Поскольку и номинация времён года, и их образная концептуализация имеют единый метонимический механизм (основаны на учёте смежности между временем года и его типичными атрибутами), в ряде случаев эти два процесса не удаётся чётко дифференцировать. Так, в строках А. Фета *И как будто истомою жадной / Нас весна на припёке прожгла* можно усмотреть, во-первых, метонимический перенос существительного *весна* – его использование вместо имени *солнце* (ср.: *нас солнце на припёке прожгло*), во-вторых, – метафорическую интерпретацию весны, ее воплощение как каузатора всех происходящих в этот период процессов и явлений.

См. буквально аналогичную ситуацию в строках Г. Державина: *Таёт зима дыханьем Фавона...* – ср.: *таёт снег.*

В строках М.Пришвина *Весна сияла на небе, но лес ещё по-прежнему был засыпан снегом* можно констатировать употребление слова *весна* в метонимически производном значении «солнце» (*Солнце сияло на небе, но лес ещё по-прежнему был засыпан снегом*). Однако с не меньшим основанием можно усмотреть в этом выражении метафорическую интерпретацию абстрактного понятия весны в образе света (*Весна сияла*).

Важно заметить, что разные интерпретации высказываний подобного рода (как содержащих лексическую метонимию либо когнитивную метафору) не влекут за собой разного понимания денотативного содержания этих высказываний.

Представленные результаты исследования картины образной концептуализации суточного и годового времени позволяют утверждать, что семасиологический и лингвокогнитивный подходы к ее интерпретации – при всём различии их логики – не только не исключают друг друга, но могут рассматриваться как состоящие в отношениях взаимной дополнительности.

Семасиологическая оценка языкового материала даёт ключ к системным параметрам образной картины избранного фрагмента, тогда как осмысление этой картины с лингвокогнитивных позиций ведет к выявлению генезиса образной концептуализации соответствующего фрагмента действительности в языковой картине мира.

Так, обилие образов, использующихся для концептуализации годового времени, к тому же зачастую образов специфических для определенного времени года (ср.: *лютая зима – плодоносная осень*) обрекают исследователя-семасиолога преимущественно на инвентаризацию этих образов и выражаемых ими бесчисленных смыслов, на установление многочисленных значений, на основе которых возникают межобразные системные связи. К тому же известно, что семантическую общность можно найти практически у любых метафорических образов – в условиях, когда закономерным является их неограниченное семантическое варьирование в процессе функционирования в речи, и что сознание способно к бесконечной трансформации исходных значений языковых единиц.

Имея в виду эти обстоятельства, можно сказать, что детальное семасиологическое описание картины образного моделирования денотата продуктивнее рассматривать не как самоцель (при всей важности его результатов), а как семантическое структурирование объекта для его дальнейшей теоретической интерпретации. Иначе говоря, результаты семасиологического исследования представляются необходимыми в качестве *этапа* комплексного исследования, в данном случае в комбинации с лингвокогнитивным этапом. Именно комплексное исследование позволяет ставить цель выявления природы системности образной картины мира, ее генезиса, закономерностей функционирования, а также изучения закономерностей мышления человека.

Литература

Слива Т.В. Образные значения «сезонных» слов // Языковая образность в свете разных исследовательских подходов (Материалы региональной научной конференции с международным участием). Самара, АНО «Издательство СНЦ РАН». С. 52 – 56.